

Е.В. Малышева

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

СОДЕРЖАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВЕРБАЛЬНО-ТАКТИЛЬНЫХ РЕГУЛЯТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДИАЛОГЕ

Процесс общения как форма коммуникативно-социального взаимодействия, осуществляемая между людьми в ходе совместной деятельности с целью установления контакта, проявляющегося не только во взаимной координации, взаимопонимании, взаимопереживании, но и в организации, формировании и осуществлении контроля за процессом диалогической интеракции со стороны двух противоположных сторон – инициатора и адресата, представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором участникам необходимо обмениваться как информацией, так и самой деятельностью (т. е. вырабатывать различные формы, тактики, стратегии и нормы совместных действий для достижения поставленных целей и задач такого взаимодействия).

В этом плане, отчасти, коммуникация, как содержательный механизм социального взаимодействия предстаёт как некая система, в основе которой лежит функция обмена социокультурными ценностями, опытом (приобретенным в результате различных форм взаимодействий с другими людьми, выступающими в качестве объектов социальной деятельности), а также реализации личности говорящего посредством «социально-психологического механизма» [9, с. 13], который приводит к согласованию совместных действий собеседников. Уместно подчеркнуть и то, что процесс коммуникации немислем не только без обмена знаниями, опытом, навыками, нормами поведения, но и не может рассматриваться в отрыве от эмоционального взаимодействия партнеров по диалогу (т. е. эмоций как важнейшего ориентира человеческой деятельности), а значит, в результате социального взаимодействия могут порождаться, поддерживаться и изменяться различные характеристики коммуникативной (в том числе и поведенческой) деятельности собеседников, т. к. в интерактивном взаимодействии «передаются господствующие в той или иной социальной общности модели деятельности и поведения, формируются ритуалы, поддерживаются и видоизменяются обычаи, ритуалы, традиции, неизменно влияющие на типы образа жизнедеятельности людей, на избираемые способы деятельности, поведения» [9, с. 14].

Очевидно, что в таком взаимодействии участники диалогической интеракции, опираясь на системы взаимопонимания и взаимоотношения, строят свою коммуникативную деятельность посредством целенаправленной активности, которая реализуется путем воздействия партне-

ров по диалогу друг на друга, а сам диалог выстраивается в регулятивном пространстве [5; 7], где в пределах целевого содержания процесса социальной интеракции формы поведенческих реакций её участников становятся разновидностями реализаций регулятивов – внутренних «программных баз» говорящего субъекта, отражающих «результаты речевого поведения всех участников коммуникативно-интерактивного процесса и способ репрезентации их влияния (воздействия) друг на друга» [5; 6].

Таким образом, будучи связанным с процессом взаимодействия регулятив выступает в качестве комплексной единицы диалогорегулятивного взаимодействия и функционирует в заданных пределах речевой коммуникации в виде естественно-языковых практик. Однако, подчеркнем, что такая трактовка регулятива или «мема» [7], функционирующего в процессе реализации типовой (сценарной) формы дискурсивной интеракции и способствующая «возникновению своих «копий» в умах участников» диалогической интеракции и «генерированию всей системы регулятивных единиц системы-дискурса, находящихся в «архиве» ментального пространства («вместилища») каждой говорящей личности и используемых индивидами в диалогической коммуникации по типовому (фреймовому) сценарию» [5; 6] представляется достаточно широкой и не позволяет рассмотреть и проанализировать конкретные ситуации диалогического взаимодействия с использованием определенных комплексных действий участников социального процесса, т. к. в таком случае регулятив как меметический механизм порождения информации проявляется в виде различных дискурсивных практик говорящего, реализуемых на базе развертывания «функционально-семантического представления» [5] в типовой структуре речевых актов, и характеризуется наиболее общими признаками, которые не позволяют проанализировать коммуникативные реакции партнеров по диалогу более подробно и выявить специфические свойства именно тех единиц (как языкового, так и неязыкового порядка) диалогического взаимодействия, которые служат для реализации тех же замыслов и установок говорящего, но, при этом, в ходе реализации конкретных коммуникативных целей, намерений и замыслов, т. е. в процессе регулятивной деятельности участников коммуникативного обмена, вносят определенные корректировки, уточнения и служат маркерами (сигналами) стыка различных речевых актов, а также выступают дополнительными элементами (единицами, компонентами) живой речи, вносящими изменениями в процесс речеактовой коммуникации.

Иначе говоря, использование понятия регулятив в широком плане не позволяет вычленить специфические свойства и характеристики таких компонентов типового коммуникативного пространства диалогической

интеракции, которые, вплетаясь в речевые практики говорящего субъекта, используются в его жизненных сценариях. По этой причине по аналогии с регулятивом (как более широким понятием) представляется возможным вычленить более «мелкую» (мельчайшую) единицу комплексного диалогорегулятивного взаимодействия (используемую в актах вербально-тактильной интеракции) – вербально-тактильный регулятив – единицу, которая оказывает влияние на ход сценарно-обусловленных форм коммуникативно-социального взаимодействия в условиях разворачивания сценарного фрейма и представляет собой единицу информации, которая, попадая в определенные условия типового диалогического взаимодействия, способствует возникновению и реализации в конкретных актах вербально-тактильной интеракции [1; 2; 3; 4; 8; 10] определенных вербально-тактильных элементов с целью внесения корректировок и изменений в процесс комплексной интеракции путем порождения в сознании говорящего «копий» (аналогичных / подобных) ситуаций, в ходе которых использовались вербально-тактильные действия, и такое диалогическое взаимодействие было связано с положительным результирующим эффектом (т. е. цели и задачи были достигнуты).

Материальным проявлением вербально-тактильного регулятива в семиотическом пространстве диалогической коммуникации в ходе реализации актов вербально-тактильной интеракции выступают единицы тактильного взаимодействия – различные действия тактильного порядка, которые могут передаваться следующими глаголами *to catch, to give a kiss / a hand, to embrace, to grasp, to kick, to kiss, to pat, to press, to put, to seize, to shake, to take, to touch* и др. Подчеркнем, что спектр таких глаголов различен и может варьироваться как по степени интенсивности (силе воздействия на адресата комплексного действия), так и по цели, задаче коммуникативного действия собеседника, а также достижению определенного результирующего эффекта.

Таким образом, использование вербально-тактильного регулятива, представленного в различных комплексных вербально-тактильных актах, предполагает рассмотрение такого регулятива в качестве внутреннего проявления, отражающего типовую информацию о подобных ситуациях (полученных в результате прошлого опыта). Иначе говоря, внутреннее проявление, отраженное во внешнем результате (в виде конкретных вербально-тактильных действий по отношению к партнеру), даёт возможность проследить использование регулятивов в виде комплекса (т. е. цепочки ответных вербально-тактильных действий собеседников), обслуживающий конкретный тип диалогического взаимодействия (а шире коммуникативный акт) и организующий соответствующий уровень взаимопонимания и взаимокооперации партнеров по диалогу.

В этом случае в процессе реализации вербально-тактильных регулятивов у собеседников складывается представление о формировании *«диалогического регулятивного пространства»*, в котором различные формы поведения участников диалога, структура и процесс комплексного взаимодействия становятся своеобразной «базой» деятельности регулятивов, взаимосвязь которых осуществляется по определенному маршруту и различными способами: введение вербально-тактильных регулятивов для инициации диалогического взаимодействия, финального закрытия определенных реплик собеседников, создании тематического акцента в процессе речеактовой интеракции, реализации вербально-тактильных регулятивов поддержки, противодействия (о типологии регулятивных действий см.: [5]).

Литература

1. Малышева Е.В. Базовая модель комплексного коммуникативного взаимодействия как матрица вербально-тактильного поведения ее участников // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 2. – С. 20–34. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
2. Малышева Е.В. Зональная тактильная интеракция участников диалогического взаимодействия // Мир лингвистики и коммуникации электронный научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 84–97. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Малышева Е.В. Кинестетические регулятивы английской диалогической речи. – Тверь: ТвГУ, Тверская ГСХА, 2015а. – 147 с.
4. Малышева Е.В. Особенности восприятия информации посредством невербальных систем взаимодействия: сборник научных трудов // Психолингвистика и лексикография. – 2017. – Вып. 4. – С. 51–58.
5. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР, 1988. – 183 с.
6. Романов А.А. Лингвистическая мозаика. Избранное. – М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА Изд-во «Агросфера», 2006. – 436 с.
7. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 84–97. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
8. Романов А.А., Малышева Е.В. Вербальная и тактильная системы как комплексный фреймовый композит // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
9. Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.
10. Malysheva E.V. Phenomenon of touch: main approaches and factors of researches // Yale Journal of Science and Education (January-June). – 2016. – Vol. X. – No. 1 (18). – P. 138–143.